

УНИВЕРСАЛИИ И АРХЕТИПЫ

Человеческая история во многом представляет собой историю мысли. Историк не может ограничиваться перечислением событий, человеческих действий, строго говоря, не может остановиться на констанции того, что произошло. Всякие события познаваемы как внешнее выражение соответствующих мыслей.

Как полагал Гегель, правильная постановка задачи историком не в понимании того, что люди делали, но в понимании того, что они думали.

Лейбниц находил в душе человека изначальные принципы, или основные допущения. Их называют также универсалиями, константами, концептами, аксиологемами и т. п. И выделяют такую их общую черту, как устойчивость. Например, универсалиями называют общие понятия, категории, формы всеобщности, поскольку они признаются присущими не только мышлению, но независимой от него реальности. Они являются регуляторами человеческого поведения и общения и действуют в культуре на всем протяжении ее существования.

Но в мире вещей существует лишь приблизительная всеобщность, так как нет абсолютно общего признака для всего многообразия классов объектов.

Как известно, в мире существует качественно различные формы общности.

Аналогично, можно рассматривать, как отличаются друг от друга понятия: априорная форма, категория, закон, логос, константа.

Важнейший принцип гегелевский диалектики — принцип единства тождества и различия, который позволяет сделать вывод: общее, особенное и единичное образуют единство. Абстрактная сущность, если ее рассматривать безотносительно к особенному, представляет собой, как писал Гегель, «лишь одну сторону, а тем самым некое особенное, конечное». Поэтому анализ и развитие понятия становятся плодотворными лишь тогда, когда мы включаем в него (конечно, путем нового обобщения) те моменты особенного и единичного, от которых мы сначала абстрагировались.

Принцип единства общего, особенного, всеобщего и единичного в высшей степени важен для понимания человеческого бытия и содержания конкретных категорий, для которых общее, особенное, всеобщее и единичное в равной мере существенны.

В постижении категорий важен исходный пункт. В данном контексте речь идет о диалектическом понимании единства многообразия в сфере культуры.

Существует ли нечто общее между культурами, значительно отдаленными друг от друга, например, тысячелетиями в истории человечества? Имеется ли нечто общее между культурами разных народов, существующих в одну и ту же историческую эпоху, но существенно отличающихся друг от друга как вследствие природных условий своей жизни, так и вследствие значительного разрыва в уровне развития производительных сил, науки и техники, образования и т. д.? Существует ли нечто общее между качественно различными эпохами в истории культуры одного и того же народа, например, между средневековой культурой и культурой, предполагающей индустриализацию, урбанизацию, новейшие средства связи?

Если говорить об универсалиях в сфере культуры, то следует иметь в виду существенно общее и все то, что образует его основу. Культура — это специфическая человеческая деятельность и ее предметная, а также институциональная объективизация, которая имеет место как в самом человеке, так и в создаваемом им мире культуры. В культуре, так или иначе, проявляется отношение человека к самому себе, которое, как писал К. Маркс, «становится для него предметным, действительным лишь через посредство его отношения к другому человеку».

Необходимо далее правильно оценивать значение качественно различия между культурами, которое не только не противоречит развитию общечеловеческой культуры, но и является необходимым условием ее прогрессирующего обогащения. Недооценивать эти существенные различия между культурами — значит, преуменьшать возможности и перспективы культурного международного сотрудничества. Плюрализм культур включает в себе нечто в высшей степени привлекательное.

То обстоятельство, что содержание культуры многолико и противоречиво, вполне закономерно. Такое противоречивое многообразие исторически неизбежно, поскольку реальная культура есть не что иное, как само человечество во всем альтернативном многообразии его исторических характеристик.

Попытаемся осмыслить многообразие связей между культурами и рассмотреть — существует ли единство (разумеется, противоречивое) различных культур, возможна ли общечеловеческая культура или некоторые жизненно важные общечеловеческие культурные нормы?

История человечества давно засвидетельствовала, что способность одного народа осваивать дотстижения другого — один из главных показателей жизнеспособности его культуры, очевиднейший индикатор прогресса культуры. Именно на этом пути взаимодействия культур и складывается общечеловеческая культура, единая и, вместе с тем, многообразная.

Таким образом, рассматривая универсалии культуры, необходимо учитывать диалектическое превращение единичного в особенное, а особенного во всеобщее.

Есть два принципиальных способа обойти или преодолеть противоречие универсальности и множественности: это религия и диалектика. В монотеистических религиях Бог одновременно и универсален, и персонален.

С другой стороны, каждая личность, каждый человек одновременно и уникален, и бесконечно ценен, поскольку он — дитя Бога.

В философском плане осуществить то же самое чудо берется диалектика.

Сартр определяет диалектику как «всеобщее, наделенное свойствами единичного». Гегель говорит о «конкретном универсальном». Кьеркегор настаивал на уникальности индивидуума.

Но, несомненно, наиболее решительная критика гегелевских или сартровских притязаний прозвучала из уст создателя «трансцендентальной диалектики» Иммануила Канта. В философии сосуществуют два разных духовных течения: последователи Гегеля и последователи Канта. Для гегельянцев движение понятий охватывает и преодолевает застывшие оппозиции, пленниками которых остаются, в плане знания, — понимание, а в плане этики и религии, — большая совесть. Кантианцы же, признавая ограниченный и противоречивый характер наших знаний и радикальный характер оппозиций между а priori и эмпирическим, или между теорией и практикой, считают, что мы имеем шанс на понимание.

Итак, относительное не исключает существования абсолютного, и наоборот.

Приблизительно всеобщим являются не только общие понятия, эмпирическое происхождение которых более или менее очевидно, но и категории, эмпирические основания которых могут быть установлены лишь специальным исследованием.

Попытаемся для примера провести определенное различие между двумя понятиями: универсалией и архетипом. Примеры универсалий (априорных): «единичность», «множественность», «число» и т. д. Примеры универсалий другого ряда (апостериорных): «цивилизация», «любовь», «вера», «радость», «Родина» и др.

В том же мыслительном ключе можно говорить об архетипах.

Архетип — это прообраз, идея. К. Г. Юнг архетипом называл изначальные, вырожденные психические культуры, образы (мотивы), составляющие содержание так называемого коллективного бессознательного и лежащие в основе общечеловеческой символики сновидений, мифов, сказок и других созданий фантазии, в том числе художественной.

Так, архетипом, присущим всем народам, можно считать сказку. В. Я. Пропп указывал, что сказку нужно сравнивать с социальными институтами прошлого и в них искать ее корни. Русская религиозная философия в качестве архетипа рассматривала церковь, которая играет роль института, формирующего нравственность. Все народы мира имеют собственные традиции возведения жилища (изба, юрта, иглу и т. д.), поэтому дом можно рассматривать как определенный архетип. Причем архетип — это не преемственность мертвых форм, созданных человеком, а единство поведения живых людей.

Таким образом, основные различия между универсалиями и архетипами можно видеть в том, что первые являются особыми формами рассудочной деятельности и ее осмысления, тогда как вторые — определенными логическими схемами, наполненными эмоционально-чувственным опытом, способами самовыражения коллективной и индивидуальной составляющей культуры.

Л. В. Епина
М. В. Сутайкина
Екатеринбург

УНИВЕРСАЛИИ КУЛЬТУРЫ В ЗЕРКАЛЕ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ XIX В.

Национальная философия представляет собой особый тип философии, детерминированный социально-историческим и культурно-историческим контекстом ее формирования. Ее особенности во многом зависят от национальной самобытности духовной культуры, а также определяются кругом поставленных национальной философией проблем и характером их решения в определенных исторических условиях. Самобытность духовной культуры своим стержнем имеет систему ценностных доминант и особенности национального менталитета. В этом плане в понятии ментальность делается упор не на способности мышления, а на особенностях процесса понимания, т. е. способах постижения смыслов бытия,